

*Александр
Тамоников*

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Секретный концлагерь / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-198402-1

При освобождении Кракова контрразведке Красной армии становится известно о существовании на территории Польши детского концлагеря. В нем врачи-изуверы проводят над маленькими пациентами опыты, добывая особые ферменты, из которых затем изготавливают препарат для омоложения. Группе СМЕРШ капитана Алексея Мажарина приказано выяснить, где именно располагается «фабрика смерти» и можно ли спасти уцелевших детей. Оперативники выясняют, что фашисты успели вывезти лагерь на территорию Германии. Капитан Мажарин идет следом. Однако вскоре становится ясно, что силами небольшой группы освободить пленников не удастся, нужно подкрепление. Но пока готовится десант, в лагере случается непредвиденное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198402-1

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

В начале 1945 года Красная армия вошла на территорию Польши. Началось освобождение польских городов и сел от фашистских оккупантов. Шаг за шагом советские войска продвигались к западной границе Польши и, соответственно, к восточной границе Германии.

Вместе с регулярными боевыми частями в этом же направлении продвигался и Смерш. У смершевцев была своя особая задача — выявлять и изобличать фашистских шпионов и диверсантов, оставшихся в польских полуразрушенных городах и истерзанных селах после ухода оттуда немцев.

А их, шпионов и диверсантов, оставалось на территории освобожденной Польши немало. Фашисты рассчитывали и надеялись, что уходят из Польши они не навсегда, рано или поздно они сюда вернуться, а потому им здесь нужны были свои глаза и уши, своя разветвленная агентурная

сеть, свои диверсанты, террористы и убийцы и сетели всяческих враждебных слухов.

Против всей этой публики и должен был бороться Смерш. Он тоже вел войну, не менее жестокую, чем сражения на передовой. Правда, Смерш вел войну по особым правилам. Это была незримая война, в ней мало звучало выстрелов, в ней почти не ходили в атаки — потому что четко определенной линии фронта в этой войне не было. Фронт здесь был повсюду, со всех сторон. Невидимый, неслышимый, но от этого он был еще опаснее.

Да-да, опаснее. На передовой — там все четко и ясно. Вот — ты и твои боевые товарищи, а там — враг. У смершевцев же явного видимого врага не было. Для них, в принципе, каждый мог быть как врагом, так и другом.

Положение осложнялось еще и тем, что это была Польша. Как ни крути, а чужая земля. И люди здесь также были чужими. Добрыми или недобрыми — а чужими. А от чужого человека не знаешь, что и ожидать. Поможет он тебе или не поможет, равнодушно пройдет мимо или исподтишка ударит в спину... Все могло быть на чужой земле. Поэтому приходилось большей частью надеяться лишь на себя самого. На себя — да еще на помощь боевого товарища, который рядом с тобой.

СЕКРЕТНЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Смершевцы не были объединены в традиционные боевые подразделения — взводы, роты, батальоны и так далее. Большею частью они действовали небольшими группами. В этом имелся свой смысл и свой резон. Это в атаке ходить лучше взводами и батальонами, а выявлять затаившего шпиона лучше именно небольшой группой. Таковы были правила этой незримой, неосязаемой, но вместе с тем вполне реальной войны.

ГЛАВА 1

В освобожденный Краков спецгруппа Смерша вошла вместе с арьергардными частями Красной армии. В группе было всего три человека: старший группы — капитан Алексей Мажарин и двое его подчиненных — лейтенанты Кирилл Черных и Семен Мартынок.

До недавнего времени группа насчитывала пять человек. Но двое из них — Игнат Чаус и младший лейтенант Прохор Заречнев — выбыли из строя. Игнат Чаус — погиб, а Прохор Заречнев с тяжелым ранением угодил в госпиталь. Так уж оно получилось, причем на второй день после того, как советские войска ступили на польскую землю.

Крестьяне одного из польских сел сообщили красноармейцам, что в их селе прячутся какие-то подозрительные люди. Со слов селян, одеты эти люди были в немецкую форму, и оружие при них было немецким, но при этом говорили они

не по-немецки, а вроде как по-русски. Селяне утверждали, что всего их было три человека. Ну, может, четыре... Днем эти странные люди безвылазно сидели в каком-то заброшенном сарае, а по ночам выходили из него, таясь, бродили по селу, заходили в дома, угрожая оружием, требовали от жильцов еды и еще — самогонки.

И все бы ничего, терпеливые польские крестьяне вытерпели бы этих нежеланных гостей и, скорее всего, не донесли бы о них советским солдатам, но случилась непоправимая беда. В одну из ночей эти подозрительные люди застрелили одного из селян. Как водится, они вошли к нему в дом, а дальше... А кто ж его ведает, что было дальше? Должно быть, повздорили. Может статься, хозяин не пожелал делиться с ними скромными запасами хлеба и картошки, а может, и вовсе пытался не пустить их в дом... И тогда пришельцы застрелили хозяина. При хозяине была его жена и взрослая дочь, но их отчего-то эти страшные люди трогать не стали.

После этого случая все село переполошилось. Оно и понятно, ведь если эти люди застрелили одного селянина, то где гарантия, что следующей ночью они не застрелят еще кого-нибудь? И селяне, посоветовавшись между собой, снарядили ходоков к единственной на данный момент реальной власти — Красной армии. Дескать, придите

и защитите нас. Избавьте село от этих страшных людей, кем бы они ни были.

Всякая недобитая нечисть, окопавшаяся в тылу, — была по части Смерша. Именно смершевы должны были разбираться с такой публикой. Деревенских ходоков направили к Алексею Мажарину.

Мажарин не знал польского языка, а ходоки (их было три человека) не знали русского языка. Но тем не менее им удалось понять друг друга. Трудная беседа длилась целый час, и в результате ее Мажарин более или менее вник в ситуацию.

Дело, насколько он понял, обстояло так. До недавнего времени в селе стоял небольшой немецкий гарнизон — что-то вроде артиллерийского подразделения при трех орудиях. Вместе с немцами были и какие-то другие люди — человек десять или, может, пятнадцать. Нет, это были не немцы, потому что и говорили они не по-немецки, и вели себя тоже не по-немецки. Очень могло статься, что эти люди были русскими, хотя и были одеты в немецкую форму. Почему крестьяне считали, что эти люди русские? А потому, что они ругались по-русски. О, русские ругательства не спутаешь ни с какими другими ругательствами!

Ну, а потом, перед самым приходом Красной армии, немцы, забрав орудия, ушли из деревни.

А вместе с немцами ушли и эти люди, которые не были немцами. Но, как оказалось, не все. Трое или четверо остались. А почему они остались — кто ж их знает? И вот они-то и убили одного из селян.

Выслушав ходоков, Мажарин тут же встретился со своими немногочисленными подчиненными. Нужно было обсудить ситуацию и определиться, как действовать дальше.

— Скорее всего, это власовцы, — высказал предположение Игнат Чаус. — Известное дело... Не очень-то они охотно драпают вместе с немцами. Некоторые — остаются. Пытаются разжиться советскими документами и сойти за своих. Вот совсем недавно мы с такими уже пообщались. Под Брестом, если помните...

— Помним, — за всех ответил Кирилл Черных. — Как тут позабудешь. Злые были ребята, упорные. До последнего отстреливались. С ножами пытались на нас пойти.

— Вот и эти такие же, — сказал Игнат Чаус. — Точно вам говорю! Загорелась у гадов земля под ногами! Ищут способы, чтобы выжить. Харчишки собирают в дорогу. Подсоберут — и вперед. Верней сказать, назад. На бывшую Родину. Там-то затеряться проще.

— Вот и надо их ликвидировать, — сказал Прохор Заречнев. — Нагрянем этой же ночью

в ту деревню и... Их-то там всего трое или четверо. Справимся.

— А если их больше? — усомнился Мажарин. — Скажем, трое или четверо шастают ночами по деревне, а остальные ждут их в сарайчике?.. Как бы нам не просчитаться.

— Э нет! — не согласился Кирилл Черных. — Было бы их больше в деревне, о том бы знали! В деревне разве что скроешь? Там все про всех известно. И без разницы — польская это деревня, русская или еще какая. Знаю, о чем говорю, — сам деревенский.

— Резон, — усмехнулся Мажарин. — Что ж, подкрепления просить не будем. Справимся сами. Не впервой.

Ближайшей же ночью пятеро смершевцев вместе с тремя ходоками отбыли в деревню.

— Там он, их сарай! — пугливо указали ходоки на приземистое строение, темневшее за деревенской околицей.

— Понятно, — сказал Мажарин. — Что ж, спасибо. А теперь марш отсюда! Да поживее!

Повторять селянам не пришлось, они все прекрасно поняли с первого раза, хоть Мажарин и говорил по-русски. Ходоки дружно охнули и растворились в темноте.

Смершевцы тихо и незаметно подкрались к сараю. Внутри сарая не слышалось никаких зву-

ков, не было заметно огоньков и даже не пахло дымом. То есть не было ощутимо никакого человеческого присутствия.

— Обманули нас селяне, что ли? — недоуменно прошептал Чаус.

— А может, они просто ушли? — так же шепотом произнес Черных. — Говорю о власовцах... Скажем, в деревню. Или насовсем...

— Слышь, командир! — в самое ухо Мажарину прошипел Семен Мартынок. — Давай-ка я подберусь поближе да разведу.

— Давай, — сказал Мажарин.

— Ага, — сказал Мартынок.

И он тотчас же незримо и неслышно растворился в темноте. Вернулся он скоро и так же неслышно и невидимо, будто вырос из-под земли.

— Никуда они не ушли! — шепнул Мартынок. — Присутствуют, заразы. По крайней мере, один. Дышит... Ну, а коль так, то и остальные где-то поблизости. Я так думаю, хлеб насущный добывают, бакланы...

Мартынок был родом из Одессы и любил ввернуть в разговоре какое-нибудь специфическое одесское словечко, а то и целый оборот.

— Ждем! — приказал Мажарин.

Ждали недолго — каких-то полчаса. Вскоре в темноте послышались шаги нескольких человек, за ними — дыхание и еще какие-то звуки.

— Да! — хрипло произнес Мажарин, когда звуки и дыхание стали совсем близко. Слово «да» в данном случае означало команду «огонь».

Стрелять в кромешной тьме — дело непростое, даже если ты человек в этом деле опытный. Где тут враг, где тут свой? После первых очередей два или три тела — это было понятно по характерным звукам — свалились на землю. Кто-то — это, опять же, было понятно по звукам — опрометью бросился в сарай и захлопнул за собой тяжелую дверь, которая взвизгнула несмазанными петлями, и этот визг был громче всех выстрелов. Из сарая тотчас же раздались выстрелы — стреляли из автомата и из винтовки. А коль так, то стрелявших было, по крайней мере, двое. Хотя откуда они стреляли — сквозь стены или из каких-то щелей или окошек, — было непонятно.

— Слышь, командир! — крикнул Семен Мартынок (говорить шепотом сейчас уже не имело смысла). — Не нравится мне эта ночная серенада! А давай-ка я их гранатами! Подберусь поближе, найду какую-нибудь щелочку и...

— Давай! — согласился Мажарин. — Но только не один, а вдвоем. Нужен еще кто-то для надежности.

— Я! — вывалился откуда-то из темноты Игнат Чаус.

— Хорошо, — сказал Мажарин.

— А вы пока что прекратите пальбу, — сказал Мартынок. — А то, чего доброго, зацепите рабов божьих Игната да Семена...

Смершевцы прекратили пальбу, но из сарая по-прежнему продолжали стрелять. Правда, нечасто — редкими одиночными выстрелами и короткими очередями. Должно быть, берегли патроны или просто не знали, в какую сторону следует стрелять. И это было хорошо: то, что враг палит редкими выстрелами, и то, что он дезориентирован. При таком раскладе подкрасться к сараю, найти в нем оконце или какую-то другую щель и швырнуть туда гранату куда как проще. Ничего, все должно обойтись. Все будет хорошо, потому что — не впервой.

Вскоре где-то в глубине сарая бабахнул глухой взрыв — это Мартынок или, может, Чаус кинули гранаты. Из сарая раздался чей-то сдавленный крик, и вслед за ним застрочил автомат длинной, почти нескончаемой очередью. Ухнул еще один гранатный взрыв, и все стихло. Никаких выстрелов из сарая больше не слышалось.

— Всем лежать! — приказал Мажарин Заречневу и Черных. — Ждем!

— Командир! — простонал из темноты Заречнев, и было в этом стоне что-то такое, что заставило Мажарина опрометью броситься в ту сторону, откуда раздавался стон.